

Она была одноногой. В народе шептались, будто она — оборотень-змея, одно из демонов и духов. Но это была неправда. Она просто родилась без одной ноги, но всё же могла ходить и даже немного бегать. Благодаря искусному мастеру, нанятому отцом, который сделал ей протез, она жила как все. Могла говорить, смеяться, плакать, закрыв лицо руками, бегать, прыгать, ходить. Она была человеком, а не чудовищем.

Но её возлюбленный, её государь, называл её чудовищем.

Сиши смотрела на женщину в белом, лежащую на кровати и не поднимающуюся.

Она шагнула вперёд. Её походка, с лёгким наклоном вперёд, казалась слегка неуклюжей, почти неестественной.

Во дворце горели светильники, в них плавился белый воск. Сиши подошла к ложу, откинула белую занавесь и, сохраняя на губах мягкую улыбку, спросила: «Как ты называешь телохранительницу Цзян?»

Цинь Чаншэн, лежа на кровати, лишь молча взглянула на неё.

Сиши смотрела на неё, и улыбка её не дрогнула. Она наклонилась, приподняла бровь и сказала: «А Сюэ? Какое милое имя. Знатная дама Цинь и телохранительница Цзян — вы и впрямь дружны с детства, не разлей вода».

Цинь Чаншэн не удостоила её ответом. Она отвернулась и холодно бросила: «Ваше величество, ваша покорная слуга нездорова и не в силах оказать вам должный приём. Не соблаговолите ли вы удалиться?»

Сиши наклонилась и сорвала с неё одеяло. Цинь Чаншэн вздрогнула от холода, резко повернулась и уставилась на неё: «Что вы делаете?»

Сиши улыбнулась, глядя на массивные каменные цепи, сковывавшие её талию, лодыжки и запястья, и тихонько рассмеялась: «Кто же тут чудовище? Кто? Настоящее чудовище лежит на ложе знатной дамы Цинь!»

Цинь Чаншэн скривила губы, гневно глядя на неё: «Сиши, между нами не было вражды. К чему вы меня травите?»

Сиши, зная, что та не может пошевелиться, наклонилась ещё ниже, провела пальцем по её щеке и с той же сладкой улыбкой произнесла: «А как ты думаешь, милая? Твой отец отдал тебя во дворец — для чего? А твоя закадычная подруга, телохранительница Цзян, и ты... Фу, какая мерзкая связь! Две женщины, осмелившиеся втайне от императора предаваться таким грехам. Скажи, разве это не значит, что чудовище помutilo тебе разум?»

Цинь Чаншэн смотрела на неё, а Сиши, с внезапной одержимостью во взгляде, выпрямилась и звонко ударила её по лицу, громко расхохотавшись: «Ну, расскажи! Как сильно телохранительница Цзян тебя ублажает? Даже под носом у Сына Неба ты смеешь с ней спать? Вы, две грязные твари, думали, я не знаю о вашей мерзости?»

Она с ненавистью смотрела на Цинь Чаншэн, но через мгновение улыбка с её лица исчезла, сменившись ледяным спокойствием: «Я знаю. Я всё знаю, знатная дама Цинь. Государь хочет не тебя, а телохранительницу Цзян. Но он не смеет сказать. Он боится. Боится телохранительницы Цзян, потому что она — чудовище. Ты... ты тоже. Ты тоже чудовище».

Она замолчала, а потом, словно впад в безумие, захихикала, наклонилась и вцепилась в подбородок Цинь Чаншэн. Длинные острые золотые напальчники впились в её губы, оставив кровавые борозды. «Думала, я не знаю, что вы творите? Сегодня твоя телохранительница Цзян не вернётся. Она получила приказ от императора — вырезать под корень наш род Сиши, нашу столетнюю династию. Знатная дама Цинь, погляди, как сильна твоя возлюбленная. Наш род, веками стоявший у власти, будет уничтожен одной быстрой и ловкой диверсией».

Цинь Чаншэн нахмурилась, вдруг оскалилась, обнажив белые зубы, и прошипела из глубины горла: «Пошла вон!»

Сиши, испуганная этой внезапной яростью, невольно отпустила её и отпрянула. Цинь Чаншэн осталась лежать, вцепившись в каменные цепи. Чёрные волосы рассыпались по её лицу, а на бледных щеках выступил болезненный румянец. Из её горла вырвался звук, похожий на звериный рык. Сиши, наблюдая за ней, внезапно помрачнела — будто разозлилась на собственный испуг — и сделала два шага вперёд, намереваясь схватить её за волосы.

Но с Цинь Чаншэн творилось что-то неладное.

Она выла. Выла странно и тоскливо, и этот вой заставлял леденеть душу и ёжиться.

Сиши уже собралась приблизиться, но, услышав этот рёв, словно доносящийся из преисподней, вновь почувствовала страх. Она не шагнула вперёд, а отступила на два шага.

Цинь Чаншэн рвала цепи. Огромные каменные оковы на её лодыжках, запястьях и талии гремели в её руках. Кожа на руках, обычно гладкая и белая, теперь была испещрена вздувшимися синими жилами и пылала багровым.

Сиши в ужасе отступала, пока спиной не наткнулась на кого-то.

Испуганно обернувшись, она увидела за своей спиной высокую фигуру в чёрных одеждах. Та смотрела на корчащуюся на ложе Цинь Чаншэн, не удостоив Сиши ни взгляда.

Цзян Чжунсюэ.

Сколько бы времени ни прошло, это ослепительно прекрасное лицо и эта ледяная, отстранённая аура всегда заставляли сердце Сиши сжиматься.

Она была самой красивой телохранительницей и самой холодной женщиной из всех, что Сиши видела.

Почему-то, глядя на это лицо, жгучая ненависть за гибель рода, клокотавшая в груди, вдруг уступила место чему-то иному. Она не могла её возненавидеть.

Логично было бы предположить, что женщина, достигшая положения телохранительницы, должна иметь влиятельную семью. Но всё было наоборот. Цзян Чжунсюэ была сиротой. Её взяли в семью Цинь, вырастили как доверенное лицо, с детства она сопровождала молодую госпожу Цинь. Когда Цинь Чаншэн отправили во дворец, она последовала за ней — но не в качестве служанки, а сдав экзамены и получив официальный пост.

Сиши не понимала, зачем такой красавице становится телохранительницей. С её внешностью стоило лишь сказать пару лестных слов, проявить немного ума и обаяния, угодить тому, кто возлежит на драконовом ложе, — и богатство, и милость, и всё, за что другие женщины в задних покоях готовы были разорвать друг друга, стали бы её без труда. Но она всегда

смотрела на это с презрением.

И от этого ненависть вспыхивала в десять тысяч раз сильнее.

Цзян Чжунсюэ наблюдала, как Сиши в страхе отступает и натывается на неё.

Не удостоив её взглядом, она обошла Сиши и подошла к ложу.

Спиной к императрице, она подняла с постели Цинь Чаншэн. Лицо её было спокойно. Она положила руку на вздувшиеся вены на руке Цинь Чаншэн и тихо позвала: «Чаншэн?»

Сиши, стоя у них за спиной, остолбенела.

Хотя она и знала об их связи, она не ожидала, что Цзян Чжунсюэ осмелится вести себя так открыто — обнимать Цинь Чаншэн прямо перед лицом императрицы! Эти две бесстыжие женщины, извращённые, противоестественные — настоящие чудовища!

Неудивительно, что Цинь Чаншэн заковали в цепи! Чудовища! Чудовища!

Сиши, дрожа от омерзения и страха, уже собралась было повернуться и бежать докладывать императору, как вдруг услышала за спиной пронзительный, леденящий душу крик.

Если бы у лютого призрака был голос, он звучал бы именно так.

Вой, от которого, казалось, трещала сама душа, смешался с грохотом разлетающихся каменных оков. Сиши в ужасе обернулась. Цинь Чаншэн вцепилась пальцами в плечи Цзян Чжунсюэ и, задыхаясь, прохрипела: «Убей меня! Пожалуйста! А Сюэ! Умоляю! Забудь меня! Пожалуйста!»

Между рыданий и стонов её глаза налились кровью. Она схватила руку Цзян Чжунсюэ и прижала её к своей груди, плача: «Я больше не я! А Сюэ, прошу! Умоляю!»

Цзян Чжунсюэ обняла её, уложила голову к себе на грудь, другой рукой нежно погладила её волосы. Лицо её было спокойным и мягким, когда она тихо сказала: «Хорошо».

Сиши впервые видела на лице Цзян Чжунсюэ такую нежность.

И в следующее мгновение холодная стрела в её руке опустилась и пронзила грудь Цинь Чаншэн.

Алая кровь хлынула из трёхгранной кровостока, заливая белые одежды. Глаза Цинь Чаншэн, налитые кровью, широко раскрылись. Она рефлекторно вцепилась в древко стрелы, торчащее из её груди. Кровь сочилась сквозь её пальцы, стекала по руке и капала на пол.

<http://bllate.org/book/16269/1464386>